

ВЛАДИМИР ИВАНОВ

Писатель, историк авиации

Родился в 1947 году в Москве, в семье военного лётчика. В 1972 году окончил Куйбышевский авиационный институт, в 1980-м — аспирантуру Ленинградского механического института. Кандидат технических наук. Работает в Российской академии наук. Член-корреспондент Академии авиации и воздухоплавания. Член секции истории авиации и космонавтики Санкт-Петербургского отделения Российского национального объединения истории и философии науки и техники при Президиуме РАН. Автор 12 книг по истории отечественной авиации, в том числе: «Неизвестный Поликарпов», «Самолёты Поликарпова», «Легендарный У-2».

КУРС НА АНГЕРН

В палатке царил полумрак. Три офицера сидели за столом, на котором тускло светила керосиновая лампа. Они молчали. Все были одеты в чёрные кожаные куртки. Мерцающий свет лампы контрастно выхватывал из темноты их лица. За тентом палатки чуть слышно раздавались голоса механиков и матросов стартовой команды. Председательствующий лейтенант Владимир Владимирович Дитерихс выпрямился на табуретке, расправив плечи, и, слегка шевельнув аккуратно подстриженными усами, произнёс:

— И ещё: в бою мы должны цепко держаться друг за друга. Только в этом случае мы без потерь вернёмся назад на остров Руно.

Дитерихс посмотрел в лицо каждому.

У сидящего слева мичмана Александра Прокофьева-Северского, самого молодого из присутствующих (в отряде его все называли «Сашкой»), губы расплылись в неопределённой улыбке, но он утвердительно, в знак того, что руководящие указания им правильно поняты и восприняты, кивнул головой.

«В бою тяжело с ним придётся», — подумал Дитерихс.

Год назад у мичмана Прокофьева-Северского на острове Эзель во время ночного боевого вылета (всего лишь третьего по счёту) в кабине по невыясненной причине взорвалась бомба. От гидросамолёта остались лишь одни плавающие в воде обломки. Немедленно высланная на катере спасательная команда выловила среди них истекающего кровью Сашку и механика, скончавшегося на борту. Врачи госпиталя ампутировали мичману ногу до колена, пришлось долго долечиваться в Петрограде. Там мичман написал Государю письмо с просьбой оставить его на флоте, так как готов жизнь отдать во имя победы над врагом. И просьбу мичмана Государь удовлетворил. Прокофьева-Северского направили на первый русский авиационный завод С. С. Щетинина «наблюдающим за постройкой аэропланов для флота», как называлась в ту эпоху должность военпреда. Ему сделали протез. В свободное от службы время Сашка вновь научился летать, но уже на протезе.

И, когда морские лётчики прибыли на завод получать новые гидросамолёты, мичман открутил перед ними фигуры высшего пилотажа, за что был посажен на гаупвахту, так как мог разбить казённую машину. Но своего добился: два месяца назад его вновь зачислили в штат морских лётчиков Балтики...

Дитерихс перевёл взгляд на сидящего справа лейтенанта Нагурского.

«Опыта ему не занимать», — хмыкнул про себя Дитерихс, глядя на долговязую фигуру лейтенанта.

Да, пожалуй, из всех лётчиков отряда Нагурский имел самый большой боевой налёт, воюя второй год, с осени недоброй памяти 1914-го. Но ещё раньше, до войны, после окончания Качинской школы, Нагурского назначили первым лётчиком Отдельного корпуса пограничной стражи. По указанию командования Альфонс-Ян Иосиф Нагурский принял участие в экспедиции по поиску пропавшего экипажа Седова на судне «Святой Фока», и в августе 1914 года в районе Новой Земли он совершил первые в мире полёты в небе Арктики.

— Что думаешь о задании, Ян Иосифович? — спросил Дитерихс.

— Будем стараться.

Дитерихса Нагурский не любил, так как считал его выскочкой, занявшим должность начальника авиационного отряда только благодаря родственным связям в высшем свете. «Поляка не назначат никогда, — хмуро думал Нагурский. — Быть католиком — значит быть неблагонадёжным. Но православный поляк — уже не поляк. Хотя, с другой стороны, какая разница, по какому обряду верить в Бога... Просто он мальчишка по сравнению со мной и летать научился всего лишь семь месяцев назад...». Но всё же сам факт назначения Дитерихса глубоко задевал самолюбие Нагурского.

Дитерихс поднялся в полный рост, застёгивая кожаную куртку на все пуговицы.

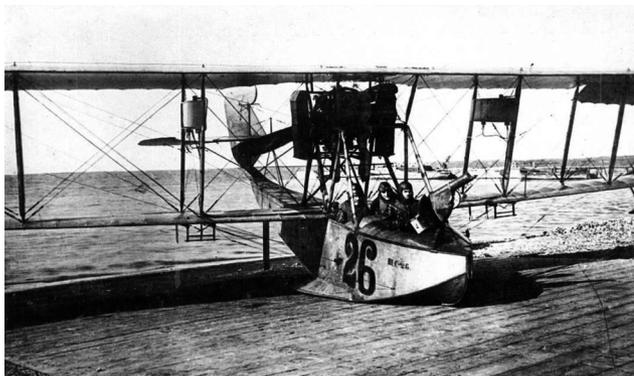
— Вылет в три часа сорок пять минут, — сказал он, посмотрев на часы. Ещё немного помолчав, перекрестился и резким отрывистым голосом скомандовал:

— За Веру, Царя и Отечество! По машинам!

И первым вышел из палатки. Офицеры последовали за ним.

Небольшая бухточка подсвечивалась лучами прожектора, хотя в небе довольно ярко светила луна. На покрытом салом деревянном слипе, на полтора метра уходящем в воду, стояли три летающие лодки М-9. Этажеркой, одно над другим, возвышались на стойках крылья. На борту каждой крупными буквами было выведено: «Щ. С.» и рядом — две цифры номера. Надпись «Щ. С.» означала, что самолёт построен на заводе С. С. Щетинина и оснащён мотором «Сальмсон». Поэтому в штабных документах вместо М-9 часто писали Щ. С. Крупные пудовые и более мелкие зажигательные бомбы висели вдоль бортов. У машин группами стояли механики и матросы стартовой команды. Механики также были одеты в чёрные кожаные куртки. Увидев офицеров, они быстро построились.

Дитерихс подошёл слева к своему аппарату Щ. С. 10. Выслушав рапорт механика Кузнецова о готовности к полёту, достал из кабины каску, надел её,

Гидросамолёт М-9 Балтийского флота

он про себя. Затем поднял вверх руку, что для матросов стартовой команды означало: «Приготовиться!» Опустив руку, сразу перевёл мотор на режим максимальной мощности. Хвостовое оперение задрожало от мощного вихря, вызванного винтом. Матросы стартовой команды упёрлись руками в нижние крылья.

Словно нехотя гидросамолёт, постепенно ускоряясь, заскользил по слипу вниз и, оказавшись в воде, начал разбег. Волны, расходящиеся от корпуса, колотили по хрупкой фанерной конструкции. С ростом скорости небольшой выступ у днища — редан — стал выталкивать лодку вверх, а это, в свою очередь, уменьшало силу ударов волн о корпус. Вдруг дрожь стихла. Щ. С. 10 в воздухе!

С минуту выдержав гидросамолёт над водой, плавным движением ручки управления Дитерихс перевёл машину в набор высоты. Оглянувшись, он увидел, что его манёвр повторяет Нагурский на Щ. С. 18, а Щ. С. 20 Прокофьева-Северского ещё только отрывался от воды.

«Всё в порядке. Теперь курс на Ангерн», — подумал Дитерихс.

Его отряд прибыл на небольшой остров Руно, расположенный почти в центре Рижского залива, вчера поздно вечером. Через день командование собиралось перебросить туда ещё один отряд. Эти действия были вызваны изменением оперативной обстановки. Фронт проходил вблизи Риги, и остров Руно оказался как бы выдвинутым за его линию к захваченной немцами территории. Русское командование разместило там радиостанцию для перехвата сообщений противника. Немцы об этом знали и поэтому старались уничтожить объект с воздуха, так как их корабли не могли попасть в Рижский залив из-за мощных минных полей и батарей морских орудий, установленных на косе Церель острова Эзель у самого входа в Ирбенский пролив. Остров Руно бомбили каждый день. Причём число участвовавших в налётах самолётов неуклонно возрастало. Германская гидроавиация, спасаясь от обстрела русских кораблей, базировалась на озере Ангерн вблизи побережья. Для защиты гарнизона Руно от налётов русское командование решило нанести ответный авиационный удар по базе противника.

застегнул ремешок под подбородком и забрался в самолёт. Механик у другого борта как в зеркале повторил его движения. Затарахтел мотор, и мгновенно винт превратился в сверкающий в лучах прожектора диск.

Заурчали моторы Щ. С. 18 Нагурского и Щ. С. 20 Прокофьева-Северского.

Дитерихс посмотрел на часы. «Три часа сорок четыре минуты», — отметил

Когда отряд Дитерихса прибыл на остров, ещё дымились воронки от разрывов бомб и догорали подожжённые перекрытия. Он решил, не дожидаясь полного сосредоточения всех сил, в эту же ночь совершить внезапный налёт на Ангерн, несмотря на то что из пяти машин боеготовыми оказались только три.

И вот сейчас они движутся к цели.

Скорость набора высоты из-за уменьшения плотности воздуха и соответствующего снижения мощности мотора постепенно уменьшалась. И сейчас его самолёт летел почти по прямой, на высоте 1700 метров. На горизонте показался диск солнца, красиво расцветив розовым лёгкую облачность, лежащую метров на триста ниже. Под воздействием этого яркого утра Дитерихс испытал душевный подъём, улеглись волнения, радость и умиротворение наполняли его.

И Владимир Владимирович про себя запел: «Снился мне сад в подвечном уборе...» Ему нравился этот романс, созвучный с сиюминутным настроением, с солнцем в небе и ещё проступающими звёздами. Хотелось радоваться этому мгновению. А что будет через два часа, определит судьба. До чего красивые слова сочинила для романса его тётка — Елизавета Александровна Дитерихс!

Механик Кузнецов, посмотрев назад, достал грифельную доску, написал на ней что-то и подсунил лейтенанту.

«Щ. С. 18 повернул обратно», — прочитал Дитерихс.

«Скверно, — подумал он, — теперь нас только двое». А про себя с удивлением отметил, что сообщение совершенно не омрачило его возвышенного настроения. Лейтенант немного уменьшил обороты мотора, чтобы Прокофьев-Северский смог его нагнать.

...Гидросамолёт мичмана медленно набирал высоту. Впереди, выше и немного слева, летел Нагурский. Ещё выше и также слева точкой темнела машина командира Щ. С. 10. Прокофьев-Северский взглянул на барометрический указатель высоты: 1200 метров. Когда он снова перевёл свой взгляд вперёд, то увидел, как мотор самолёта Нагурского пару раз окутался белым дымом. Через минуту Нагурский энергичным разворотом повёл машину вниз и назад, к Руно. Впрочем, полтора часа назад во время предполётного инструктажа они рассматривали и такое развитие событий. В этом случае Дитерихс приказал оставшимся экипажам сблизиться и продолжить налёт на Ангерн.

Прокофьев-Северский, выполняя полученную инструкцию, до предела увеличил мощность мотора. И вовремя: только они оказались на расстоянии около полукилометра друг от друга, как попали в мощное облако. И мгновенно весь мир растворился в этой плотной бело-серой дымке.

...Щ. С. 10 «вывалилась» из тучи перед самым Ангерном. Ярко голубело чистое небо, прекрасная видимость позволяла хорошо различить на земле все объекты. Дитерихс взглянул на часы, отметив время для послеполётного рапорта: «Пять ноль четыре». Он чуть дальше пролетел на восток и только после этого развернул гидросамолёт на Ангерн, чтобы произвести атаку со стороны солнца. Немцы его всё же обнаружили и открыли

огонь зенитными ракетами, оранжевые факелы истекающих из их сопел газов были прекрасно видны лётчику. Но высоту полёта машины противник поначалу определил неточно. Поэтому ракеты взрывались зелёными шарами много ниже, что позволило лейтенанту спокойно прицелиться и нажать рычаг бомбосбрасывателя. Одна пудовая бомба легла за постройками, другая недалеко от ангара, но зажигательные попали в близлежащее здание, и из него показался сначала серый, а потом бурый дым. Внизу лейтенант заметил три немецких самолёта, пытавшихся быстро набрать высоту.

Сбросив бомбы, Дитерихс заложил вираж вокруг немецкой базы, чтобы понаблюдать результаты бомбометания Прокофьева-Северского. Его машина уже приближалась к Ангерну. Немецкие зенитные ракетные батареи, треугольником расположенные вокруг базы, скорректировали точки прицела, и теперь огненные шары взрывались вокруг русских гидросамолётов, на той же высоте. По счастью, скорость полёта ракет не была достаточно большой, и Дитерихсу энергичными разворотами удавалось уклоняться от них.

Прокофьев-Северский, невзирая на обстрел, сбросил пудовые бомбы, которые легли около слипа, где стояли два немецких аппарата, и между ангарами. Повторно на цель для сброса зажигательных бомб мичман заходил по широкой дуге окружности, центр которой лежал к западу. По нему открыли огонь гаубичные батареи, стоявшие вблизи побережья и стрелявшие шрапнелью. Но она разрывалась белыми шарами много ниже. Впрочем, в горячке боя он не замечал разрывы, полностью сосредоточив своё внимание на бомбометании. После чего, как и предписывалось планом операции, со снижением повернул на северо-запад, к острову Руно. Дитерихс последовал за ним.

У береговой черты Прокофьев-Северский вновь попал под огонь гаубичных батарей, которые теперь стреляли гораздо точнее: белые шары рвались прямо вокруг его аппарата. Секунд через сорок стрельба прекратилась. Не успел мичман расслабиться и перевести дух, как механик Сазонов, оглянувшись, увидел два неприятельских аппарата, догонявших его самолёт. И через три секунды они открыли стрельбу из пулемётов.

...Дитерихс, летевший на 300 метров выше, преодолел заградительный шрапнельный огонь и в этот момент также увидел, как сзади на Прокофьева-Северского напали немецкие лётчики. Мгновенно оценив обстановку, он спикировал на немцев. На большой скорости прошёл вблизи хвоста заднего самолёта и, немного довернув машину, снизу вышел к другому.

Расстояние двести метров... Механик уже был готов открыть огонь, но лейтенант знаком показал: не стрелять. Дитерихс так старался вести свой самолёт, чтобы его прикрывал стабилизатор немецкой машины. Германский стрелок в задней кабине наклонялся от одного борта к другому, стараясь хоть что-то увидеть, но тщетно.

Расстояние сто метров... Стрелять? Нет, рано. Другой такой атаки может не быть. А Дитерихс старался действовать наверняка. Годом раньше, на Кавказском, а потом на Юго-Западном фронте, командуя отрядом

матросов, он понял, что исход боя часто решает всего лишь одна, зато предельно эффективная атака. Тогда, в Карпатах, лейтенант с отрядом подползли на пятьдесят метров к окопам австрийцев. Пулемётный огонь его матросов был настолько неожиданным и мощным, что противник не выдержал и побежал. Дитерихса за тот бой наградили орденом Св. Владимира с мечами и бантом.

Расстояние шестьдесят метров... Пора! Пулемётная очередь от задней кабины стрелка до мотора практически в упор пропорола германский самолёт. Он сначала шарахнулся в сторону, потом задымился и круто пошёл вниз. Дитерихс также спикировал, не видя противника, так как широкий корпус его лодки на какое-то время скрыл траекторию полёта неприятеля. Когда через две секунды перед ним открылась гладь Рижского залива, лейтенант с удовлетворением посмотрел на результат своей атаки. Германский самолёт уткнулся вблизи берега на мелководье с задранном хвостом.

Добить его!

Но тут краем глаза слева Дитерихс обнаружил три приближающихся германских аппарата. Развернувшись, он пошёл на них в лоб. Немцы разлетелись в стороны, зная, насколько эффективен в передней полусфере его подвижный пулемёт. Однако сзади и справа в атаку выходил ещё один германский самолёт, тот самый, мимо которого он пролетел, спасая Прокофьева-Северского. Дитерихс начал было разворот на противника, но вовремя заметил, что три атакованных им ранее немецких самолёта выходят сзади и снизу на него. Русская летающая лодка М-9 в этих ракурсах беззащитна ввиду отсутствия задней кабины и стрелка в ней. Поэтому лейтенант решил спуститься ближе к воде, чтобы лишить немцев возможности провести атаку.

Но четыре немецких самолёта также мгновенно перестроились и веером сверху пикировали на Щ. С. 10.

«Скверно, — подумал Дитерихс. — Если я попытаюсь развернуться влево, вправо или пойти вверх с потерей скорости, немцы мгновенно изрешетят меня. Неужели это конец?»

...Прокофьев-Северский шёл курсом на Руно. Механик Сазонов, хлопав его по плечу, жестом показал назад и вниз. Чуть довернув машину вправо, мичман увидел, что Щ. С. 10 атакуют четыре неприятельских поплавковых аэроплана. Вдали на малой высоте к ним летела неприятельская летающая лодка. «... В бою мы должны цепко держаться друг за друга», — почему-то вспомнились слова лейтенанта, сказанные на предполётном инструктаже. И с крутым разворотом Сашка направил свой Щ. С. 18 на помощь командиру.

Немцы проморгали его атаку. Мичман смог вывести Щ. С. 18 из пикирования в горизонтальный полёт на таком близком расстоянии от противника, что когда немецкий лётчик заложил левый вираж, струя воздуха от его винта завалила гидросамолёт Прокофьева-Северского на крыло. Мичман с трудом удержал машину чуть ниже немецкой, сохраняя минимальную дистанцию между аппаратами. Можно было различить шляпки шурупов на обшивке, выражение ужаса на лице немецкого стрелка в задней кабине,

который метался с борта на борт, лишённый возможности открыть огонь по русскому самолёту, поскольку директрису стрельбы его пулемёта перекрывал стабилизатор.

Механик Сазонов всадил в германский аэроплан целый магазин из «Льюиса». Но в этот момент по обшивке крыла гороховой дробью ударила пулёмётная очередь. Два немецких аппарата сзади открыли огонь. Прокофьев-Северский резким разворотом пошёл на них.

...Дитерихс услышал, что гул моторов противника сзади изменился. Оглянувшись, он увидел, как Сашка атаковал немецкий самолёт, который, задымившись, падал вниз. Ещё два повернули на него. «Ну а с одним-то я теперь справлюсь», — подумал он. И развернул свою машину в лоб атакующему.

Подбитый Сашкой поплавковый аэроплан стал тонуть. Ещё один самолёт противника вышел из боя и сел на гладь Рижского залива, чтобы спасти экипаж.

В воздухе два немецких самолёта и два русских сцепились в смертельной схватке, зачастую опускаясь почти до воды и сближаясь друг с другом настолько, что были видны дымки, выходящие из стволов стреляющих пулемётов.

Особым упорством и мастерством пилотирования отличался германский пилот на аэроплане, хвост которого был выкрашен серебристой алюминиевой краской, а на левом крыле изображён рваный красный флаг. Благодаря более мощному мотору в скорости полёта его машина заметно превосходила все остальные.

...Механик Кузнецов расстрелял пятый магазин к пулемёту «Льюис» и достал последний, шестой. Он прицелился в сверкающий серебристый хвост германского самолёта, но выстрела не последовало. Кузнецов отстегнул магазин, потряс его и вновь пристегнул. Пулемёт молчал. За какую-то секунду ситуация резко изменилась. Теперь уже атаку вёл немецкий аэроплан.

— Что у тебя? — прокричал Дитерихс.

— Пулемёт отказал!

Лейтенант чертыхнулся. И это в критический момент боя! Пока механик возился с оружием, Владимир Владимирович расстегнул кобуру и достал маузер. Немецкий лётчик подлетал снизу с левого борта. Расстояние сокращалось. Дитерихс, неудобно сжав маузер левой рукой, а правой намертво удерживая ручку управления, повернулся и два раза нажал на спуск. Он ясно видел, как одна пуля, попав в болт крепления капота мотора немецкого самолёта вблизи кабины лётчика, содрал краску, со звоном рикошетирила. Нервы у противника сдали, и он отвернул.

Механик, вытащив патрон из магазина, зарядил пулемёт. Прозвучавший хлопок показал, что пулемёт исправен, а вышел из строя выталкиватель. Что ж, теперь придётся отстреливаться одиночными выстрелами.

...Прокофьев-Северский заметил, что пулемёт на Ш.С. 10 замолк. Чтобы отогнать немцев от машины Дитерихса, он заложил такой крутой

вираж, что, казалось, затрещали деревянные лонжероны крыла. Для координации разворота мичман до упора отжал педаль руля направления. Протез врезался в культю ноги почти до кости. Резкая боль парализовала мозг, сковывала движения, но Сашка вытерпел. Избегая атак в лоб, немцы разлетелись в разные стороны.

Русские машины продолжили полёт к Руно.

Пять раз немцы нагоняли их. Пять раз Дитерихс и Прокофьев-Северский разворачивались им навстречу. И хотя немцы раскусили, что пулемёт на Ш. С. 10 не работает, несколько метких одиночных выстрелов, произведённых механиком Кузнецовым, заставили их с почтением относиться к подобным атакам и держаться на расстоянии.

К одной беде добавилась и другая: запасы горючего на борту стремительно таяли. Каждый манёвр приходилось выполнять предельно аккуратно, экономя бензин.

Ещё через десять минут боя один немецкий аппарат стал уходить к Ангерну. По-видимому, и у него горючее кончалось. Но оставшийся, с рваным красным флагом на левом крыле, продолжал преследование, беспрерывно стреляя из пулемёта.

Несмотря ни на что, остров Руно постепенно приближался.

Сверху уже можно было различить крупные постройки, а на рейде острова транспорт «Выборг» и миноносец «Лейтенант Бутаков». Уже перегрелся и стал заедать пулемёт «Льюис» на Ш. С. 18. Уже стал захлёбываться мотор от нехватки горючего при изменении режимов полёта.

Немецкому лётчику стало казаться: необходимо приложить ещё одно, последнее усилие, и он выйдет победителем из этого тяжёлого, продолжающегося второй час боя.

...Увлёкшись атакой самолёта Дитерихса, он «проморгал» манёвр мичмана, который, подойдя снизу под хвост, выпустил в неприятеля из пулемёта весь магазин. После этого германский аппарат развернулся и со снижением полетел назад к Ангерну.

...Дитерихс спланировал к бухте и посадил Ш. С. 10 на минимальном расстоянии от слипа, так как боялся, что из-за пробоев корпус будет заполняться водой. Летаящая лодка по инерции проплыла оставшуюся гладь залива и уткнулась носовой частью в деревянный настил. Мотор, переведённый на полную мощность, в последний раз взвыл от напряжения. Матросы стартовой команды, схватив Ш. С. 10 сначала за борт, а потом за крылья, вытащили машину на берег. Чихнув, мотор затих.

Дитерихс выпрыгнул из кабины, расстегнул шлем, снял его, надел принесённую матросом фуражку. От перегрузок болели руки, ноги, спина. Усталой походкой он обошёл самолёт, потрогал расчалки, дружески похлопал рукой по обшивке. «А после поездки хозяин всегда кормит свою лошадь сахаром», — почему-то подумалось ему.

Машине изрядно досталось. Свыше двадцати пробоев зияли на поверхности крыла, корпуса, оперения. Лейтенант подошёл к кабине. В стойке

крыла тоже светилась пробоина. Пригнувшись, он прикинул: пуля прошла всего в сантиметре от его головы.

— Видишь, что творится на белом свете, — он показал на пробоину подошедшему механику Кузнецову.

Тот молча кивнул головой.

Щ. С. 18 уже стояла на берегу. Сашка неуклюже перебросил через борт сначала ногу с протезом, потом здоровую, потом осторожно перенёс на них вес тела. Немного постоял, держась за корпус, и, покачиваясь, пошёл к палатке.

«Сейчас приведу себя в порядок, умоюсь и поблагодарю его», — решил Дитерихс.

В своей палатке он снял кожаную куртку, китель. Нижняя белая рубашка, которую он надел перед боем, насквозь промокла от пота. Сняв её, взяв полотенце и мыло, Дитерихс вышел на улицу. Матрос уже дожидался его с ведром холодной воды. Растерев тело полотенцем, он почувствовал, как постепенно крепнут мышцы, наполняясь кровью, как возвращается бодрость и тела, и духа.

В палатке он надел свежее бельё, отглаженный мундир. Пригладил щёткой усы. Офицер в любой обстановке должен выглядеть достойно.

Долг и честь — вот что двигало его с детских лет. И в Морской кадетский корпус он поступил только потому, что его дядя в то время уже был генералом (сейчас он генерал-адъютант, генерал-квартирмейстер ставки). Владимир счёл для себя неэтичным служить в армии, где у кого-нибудь вдруг закрадётся мысль, что все его продвижения по службе происходят только благодаря протекции влиятельного родственника. На флоте же Дитерихсы не служили. Но в конце 1913 года, влюбившись, он женился на Юлии фон Эссен, дочери командующего Балтийским флотом. Сразу после начала войны Владимир Владимирович подал рапорт морскому министру Григоровичу с просьбой направить его на какой-нибудь участок сухопутного фронта, потому что он, как русский офицер и дворянин, присягал на верность Царю и Отечеству и готов до конца выполнить свой долг. Честь не позволяет ему в годы войны служить под началом тестя. Никто не должен считать, что в тяжёлые для страны годы родственники укрывают его от опасностей, от пота и крови, от немецких снарядов и пуль. Григорович с пониманием отнёсся к рапорту: Дитерихс возглавил команду матросов-пулемётчиков и направился с ней на Кавказский фронт. Нелёгкие условия службы, атаки турок при постоянном численном перевесе закалили его, воспитали качества настоящего бойца. Потом смерть адмирала Эссена от воспаления лёгких. Потом Карпаты, потом ранение, долечивание в Царскосельском госпитале. Он написал новый рапорт адмиралу Григоровичу с просьбой вернуть его на флот и направить в морскую авиацию.

«Приключений или смерти для себя ищешь, — упрекнула жена, — а обо мне подумал?»

Нет, смерти он не искал, хотя опасность — непрменный атрибут профессии военного.

Но когда-то в гимназии, читая римских авторов, натолкнулся на книгу Марка Аврелия «К себе». В память навсегда врезались строчки: «Время человеческой жизни — миг. Её сущность — вечное течение. Ощущение смутно, судьба загадочна, слава скоротечна. Жизнь — борьба и странствование на чужбине... С достоинством римлянина и мужа исполняй свой долг... Живи так, будто день, в который ты вступаешь, есть первый и последний день твоей жизни».

Да, надо гореть, а не существовать!

...Подойдя к палатке Прокофьева-Северского, лейтенант отвернул парусиновую дверь и вошёл в неё. Сашка сидел на кровати без сапог и штанов, растирая культю ноги. На лице гримаса усталости и боли. Протез валялся под ним на полу. Услышав шаги, он повернул голову, а губы мгновенно сложились в обаятельной улыбке.

— А мне штанину прострелили. Хорошо, когда есть третья нога! Но мы им тоже врезали, не так ли, господин лейтенант?

И Дитерихс вдруг подумал, что любое слово утешения и ободрения Сашка встретит в штыки. И они расстанутся врагами. Навсегда. Нет, не жалости и не сочувствия ищет мичман, а понимания, что он не калека, а настоящий боевой офицер. И все окружающие так и должны к нему относиться.

Поэтому Дитерихс казённо и несколько напыщенно произнёс:

— Господин мичман! Я пришёл выразить вам благодарность. В бою вы стойко сражались и спасли мне жизнь.

— Так и вы мне тоже, господин лейтенант!

Дерзко и без особого почтения к старшему по должности и званию. Но с намёком, что они принадлежат к одному сословию.

Дитерихс промолчал и, как бы не расслышав ответной реплики, добавил:

— Господин мичман! Напоминаю вам, что короткое донесение о бое для начальника обороны Руно вы должны написать сегодня, а подробный рапорт представить мне завтра к вечеру.

И вышел из палатки.

До горизонта голубело море. Вдали на его ровной глади ступенчатой полоской темнел силуэт миноносца. Матросы у слипов занимались ремонтом летающих лодок. Тарахтел генератор: по-видимому, работала радиостанция.

Слегка сутулясь, подошёл Нагурский:

— Господин лейтенант! У меня во время набора высоты мотор резко сбавил обороты. Поэтому я счёл необходимым вернуться на Руно.

— А что с мотором?

— Песок в карбюраторе. Хотя механик уверяет, что прочистил его перед полётом.

— Надеюсь, в что следующий раз в боевом вылете у вас ничего не случится.

«Бойтся, что его сочтут трусом, — вяло подумал Дитерихс, — интересно, а как бы он чувствовал себя, если бы нас сбили и мы не вернулись обратно?»

Повернувшись, он направился к штабной палатке писать боевое донесение начальнику авиации Балтийского моря капитану второго ранга Дудорову. Снял фуражку, удобно уселся на стуле, взял из стопки бумаги лист и, пододвинув чуть ближе чернильницу, вывел:

«Начальника Авиационного отряда „Ж“

РАПОРТ

Доношу Вашему Высокоблагородию, что 31 июля 1916 г. вечером прибыл на остров Руно с вверенным мне отрядом...»

И задумался.

Эмоции переполняли душу, свежие воспоминания будоражили кровь. В ушах вновь раздавались пулемётные очереди, ревели моторы. Каждой клеточкой своего организма он ощущал машину. Он был как бы её продолжением, а летающая лодка была продолжением его тела, его самого. Вот неприятель атакует самолёт... А вот теперь я выхожу на него... Темнело в глазах, а перегрузка сжимала грудную клетку, не давая вдохнуть. Огонь!.. Разворот в сторону...

...И перед глазами встала пулевая пробойна в стойке верхнего крыла на уровне головы.

Завершая рапорт, ещё раз макнув перо в чернильницу, он вывел:

«Поведение авиационного унтер-офицера КУЗНЕЦОВА во время боя выше всякой похвалы».

Несколько дней спустя Дудоров представит лётчиков лейтенанта Дитерихса и мичмана Прокофьева-Северского к награждению орденами Святого Георгия четвёртой степени, а авиационных унтер-офицеров Кузнецова и Сазонова — к георгиевским крестам.

Солнце в чистом небе катилось к закату. Усилился ветер, с лёгким шелестом сдувая песок. Волны с шумом накатывались на берег. Покачивались кроны деревьев. Гортанно кричали чайки.

И при виде этого мирного величия природы как-то забывалось, что где-то там, к югу и юго-востоку от острова Руно, противоборствующие стороны, зарывшись в окопы, палили друг в друга из винтовок и пулемётов, гремели пушки, взрывы раскидистыми кустами неправильной формы вздымались в воздух тонны земли и песка, повсюду лилась кровь.

Стремительно летел в вечность ещё один день Великой войны.

Post scriptum. Несколько слов о героях рассказа

Владимир Владимирович Дитерихс

Родился 3 июля 1891 г. в Киеве. Окончил Морской кадетский корпус. Произведён в мичманы 6 декабря 1911 г. Начал службу на линейном корабле «Император Павел I». Блестяще проявил себя на различных должностях.

Из аттестации: «... Отличный морской офицер во всех отношениях. Любит море и морское дело».

С апреля 1914 г. временно командовал миноносцем № 128.

В конце 1914 г. добровольно принял должность командира пулемётного взвода отряда Балтийского флота, сформированного для операций на сухопутных фронтах.

Награждён Георгиевским оружием за бой 22 января 1915 г., приказом от 3 июня 1915 г. награждён орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

С июня 1915 г. находился на излечении в Царскосельском Особом эвакуационном пункте, а затем был прикомандирован к Морскому Генеральному штабу. В ноябре — декабре обучался лётному делу на 2-й авиационной станции Службы связи Балтийского моря. С 3 ноября специальным приказом по морскому ведомству зачислен в морские лётчики. Произведён в лейтенанты 1 января 1915 г. Участвовал в многочисленных разведывательных полётах и воздушных боях. Награждён орденом Св. Анны 4-й степени «За храбрость» и орденом св. Георгия 4-й степени. 20 сентября 1916 г. произведён в старшие лейтенанты за боевые отличия. В июне 1917 г. назначен начальником 3-го воздушного дивизиона 1-й воздушной бригады авиации Балтийского флота, а затем начальником штаба воздушной дивизии.

В конце 1917 г. прикомандирован к Особому отделу флота.

В начале 1918 г. был арестован финскими властями, находился в заключении в тюрьме в Николайштадте. Всё же в июне 1918 г. его удалось освободить, и после прибытия в Петроград 20 сентября 1918 г. его назначили командиром недостроенного эсминца «Сокол».

Осенью 1918 г. В. В. Дитерихс являлся одним из организаторов подпольной белогвардейской организации «Великая Единая Россия».

После выхода на его след агентов ВЧК 23 февраля 1919 г. пересёк финскую границу. Находился при штабе Северо-Западной армии ген. Юденича.

После окончания Гражданской войны выехал в Абиссинию, где служил в качестве военного советника эфиопского правительства в борьбе за независимость Эфиопии. В 1930 г. смещён с этой должности по требованию СССР и переехал во Францию. Затем окончил Высшую химическую школу, работал инженером-химиком.

Скончался 28 декабря 1951 г. и похоронен на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

Альфонс-Ян Иосиф Нагурский

Альфонс-Ян Иосиф Нагурский (в советских документах его имя и отчество обычно писались как «Ян Иосифович») родился 27 января 1888 г. под Варшавой.

В августе 1909 г. по первому разряду окончил Одесское пехотное юнкерское училище и произведён в подпоручики. Служил в 29-м Восточносибирском полку. В октябре 1912 г. произведён в поручики.

В марте 1913 г. был зачислен на авиационное отделение Офицерской воздухоплавательной школы, которое закончил в августе 1913 г.

Несколько позже, 29 ноября 1913 г., он был удостоен звания военного лётчика.

В августе 1913 года Нагурский получил направление в 29 Бакинскую пограничную

бригаду первым лётчиком Отдельного корпуса пограничной стражи.

По разрешению командования принял участие в поиске полярной экспедиции Седова. В августе 1914 г. совершил первые полёты в Арктике в районе Новой Земли. За заслуги в освоении полярных трасс 6 октября 1914 г. его наградили орденом Св. Станислава 3-й степени.

После начала Первой мировой войны в октябре 1914 г. Нагурскому присвоили звание морского лётчика и приказом командующего Балтийским флотом назначили в воздушный район Службы связи.

6 декабря 1914 г. Ян Иосифович был награждён орденом Св. Анны 3-й степени.

Нагурский принимал участие практически во всех первых боевых действиях авиации Балтийского флота. 29 мая 1915 г. ему «за отличия в службе» был присвоен чин штабс-капитана.

Участвовал во многих воздушных сражениях.

В июле 1915 г. Нагурского зачислили в действующий состав флота (до этого он числился прикомандированным к нему) и перевели в лейтенанты флота.

19 сентября 1915 г. «за мужество и храбрость» Нагурский был награждён орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», а 1 ноября 1915 г. «за отличия в делах против неприятеля» — орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

6 октября 1916 г. «за самоотвержение, мужество, а также за отличные труды в обстановке военного времени» Нагурский был награждён орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами.

В декабре 1916 г. Я.И. Нагурский возглавил 5-й воздушный дивизион 2-й бригады.

В боевых действиях 1917 г. участия практически не принимал, так как по приказу начальника береговой обороны Ботнического залива генерал-

майора флота Мазурова в марте 1917 г. был освобождён от должности начальника 5-го воздушного дивизиона, направлен в штаб Воздушной дивизии Балтийского моря для принятия надлежащих мер и вскоре отчислен в резерв чинов ввиду выявившихся контактов с немецкой разведкой.

Летом 1917 г. откомандирован в Петроград.

После Октябрьской революции с декабря 1917 г. служил в Управлении Военно-Воздушного флота Советской республики.

30 января 1918 г. Нагурский, сказавшись больным, получил разрешение отправиться в двухмесячный отпуск для поправки здоровья и уехал в Польшу. Назад он не вернулся.

В Польше середине 1920-х годов Нагурский перебрался в Варшаву, благополучно пережил немецкую оккупацию в годы Второй мировой войны.

Написал ряд книг.

Летом 1956 г. Нагурский посетил СССР. Он встречался с полярными лётчиками, ветеранами авиации.

За заслуги в общественной и литературной деятельности его наградили орденом Возрождения Польши.

На острове Александры архипелага Земля Франца-Иосифа именем Наурского названа самая северная в мире пограничная застава.

Скончался в Варшаве в 1976 г.

Александр Николаевич Прокофьев-Северский

Родился 24 мая 1894 г. в Тифлисе, хотя принадлежал к семье потомственных дворян Петербургской губернии.

После окончания Морского Кадетского корпуса в декабре 1914 г. получил чин мичмана и был направлен для прохождения службы на Балтийский флот. По приказу командующего флотом адмирала фон Эссена откомандирован на Курсы авиации и воздухоплавания при Петербургском политехническом институте, а затем в Качинской лётной школе обучался полётам.

Сдав экзамен на звание морского лётчика, в марте 1915 г. получил назначение в авиацию Балтийского флота. В июле 1915 г. при выполнении боевого задания в кабине его морского аэроплана взорвалась бомба. Стрелок-механик был убит, а Прокофьеву-Северскому оторвало ногу до колена. Однако остался на флоте и сумел получить должность наблюдающего офицера (т. е. представителя военной приёмки) на заводе С. С. Щетинина.

В мае 1916 г. добился перевода в боевые части морской авиации. Участвовал в многочисленных воздушных сражениях. Награждён орденом Св. Георгия 4-й степени.

В сентябре — октябре 1917 г. воевал на сухопутных истребителях «Ньюпор-17» в битве за Моонзунд. Представлен к награждению орденом Св. Георгия 3-й степени.

В советское время работал в Управлении морской авиации.

Затем, получив разрешение на лечение за границей, через Сибирь и Дальний Восток выехал в США.

За заслуги в развитии военной авиации США Прокофьеву-Северскому (ещё не имевшему американского подданства) присвоили звание майора.

В 1931 г. на средства, полученные от реализации патента на первый в мире автоматический бомбардировочный прицел, основал самолётостроительную фирму «Северский», президентом и директором которой оставался на протяжении восьми лет.

На самолётах своей фирмы установил ряд американских и мировых рекордов.

Перед началом Второй мировой войны большие средства фирмы он вложил в проектирование нового перспективного истребителя Р-47. Однако из-за больших затрат его фирма перешла в другие руки и получила новое название «Рипаблик».

В 1940–1946 гг. являлся советником президентов Рузвельта и Трумэна. Свои взгляды на использование боевой авиации изложил в книге «Победа через воздушную мощь» (1943 г.). Участвовал в испытаниях американского ядерного оружия.

Награждён медалью «За заслуги».

Основал фирму «Северский электронатом», читал лекции в военных учебных заведениях США, изобрёл ряд оригинальных устройств.

Умер в Нью-Йорке 25 августа 1974 г.